

Глава 6

— Свист — и грохот!

Оглушительный залп расколол тишину. Золотистый всполох, подобно стреле, выпущенной из тугого лука, вонзился в зенит, на мгновение залил ярким светом и самого Янь Цзыюня, и всё вокруг.

Он замер, заворожённо глядя в небо, пока холод не пробрал его до самых костей. Зябко поёжившись, юноша плотнее запахнул ватную куртку, спрятал руки в рукава и ускорил шаг, направляясь в сторону Сяньюаня.

Сегодня был канун Нового года — ночь Чуси. Цзыюнь только сдал смену, когда его перехватил Лао Юань. Управитель долго травил байки, не желая отпускать парня, и лишь когда засобирался домой, позволил тому уйти.

В Сяньюане Янь Цзыюнь был одинок. Возвращаться в пустой, застывший в безмолвии дворик не хотелось, и он был бы даже рад чужой компании. Если бы не распоряжение управляющего Цзя, собравшего всех в парадном зале для раздачи наград, Цзыюнь предпочёл бы скоротать ночь в караулке на задней горе, согреваясь у огня вместе со стражей.

Чем ближе он подходил к усадьбе, тем люднее становилось вокруг. Те, кому не выпало дежурство в эту ночь, шумной толпой стекались к парадному двору. Над головами то и дело расцветали огненные бутоны: лимонно-жёлтые, нежно-зелёные, ярко-алые. Они вспарывали ночную тьму, озаряя лица людей, охваченных предпраздничной суетой. Праздничный калейдоскоп в небе сливался с треском петард за воротами и звонким смехом, гуляющим по саду.

Приближалась полночь. С трудом протиснувшись к дверям зала совета, Цзыюнь удивился странной тишине, царившей за порогом поместья. Обычно в богатых домах в ночь Чуси канонада петард не смолкает часами — чем знатнее род, тем дольше длится это шумное безумие.

В таких великих кланах, как семья Чу, заведено ещё до праздника выставлять палатки с кашей для бедняков, а в самую новогоднюю ночь главный управляющий рассыпает у ворот медные монеты — «деньги, оберегающие от злых духов» для соседской детворы. У ворот должно было стоять столпотворение, крики и давка.

Но здесь, в Сяньюане, всё было иначе. Странно. Безмолвно. За пределами круга света и грохота петард не слышалось ни единого человеческого голоса — словно усадьба была отделена от мирской суеты невидимой стеной.

Цзыюнь влился в людской поток. В зале воцарилась строгая тишина: слуги выстроились в длинную очередь согласно рангам и чинам, растянувшуюся далеко за порог. Он, как самый

младший и по возрасту, и по сроку службы, оказался в самом хвосте.

Будучи невысокого роста, он осторожно приподнялся на цыпочки, чтобы заглянуть в центр зала. Там, в судейском кресле, восседал Цзя Лун. Ради праздника управляющий сменил привычное платье на пурпурную мантию, расшитую зелёными узорами. В этом ярком наряде он выглядел по-особенному величественно и благородно.

Из лакированного ларца, который держал слуга, Цзя Лун доставал алые конверты — «фубао». Слуги по очереди подходили, кланялись и произносили традиционные пожелания: «Долгих лет!» или «Пусть желания исполняются!» Получив награду, они чинно удалялись. Когда подошла очередь Цзызюня, зал почти опустел.

При виде юноши Цзя Лун на мгновение вздрогнул, но он не произнёс ни слова. Управляющий протянул конверт, как и всем остальным. Цзызюнь отвесил низкий поклон.

— Благословения вам, — тихо проговорил он.

Цзя Лун лишь сухо кивнул и уже собирался уйти в сопровождении свиты, когда Цзызюнь окликнул его:

— Господин Цзя!

Тот обернулся.

— Цзызюнь... благодарит вас. Спасибо вам огромное, — юноша снова поклонился, не смея при посторонних говорить лишнего.

У него не было ничего, чем он мог бы отплатить за доброту, кроме этого смиренного почтения. Цзызюнь надеялся, что управляющий почувствует его искреннюю признательность.

Цзя Лун едва заметно приоткрыл глаза и бросил равнодушно:

— Не за что. Я лишь исполняю волю хозяина. Служи исправно, вот и всё.

Он коротко кивнул в ответ и покинул зал совета.

Спрятав награду, Цзызюнь побрёл к своему дворику. По пути он заглянул за угол одного из строений и подхватил оставленную там маленькую бамбуковую корзинку. Холодный приём Цзя Луна оставил в душе горький осадок, но, поразмыслив, юноша успокоил себя: в этом мире никто не обязан любить тебя просто так. Помощь в трудную минуту — уже великое благо, за которое стоит быть благодарным.

За этими мыслями он не заметил, как забрел в Сад Мэй. Здесь, под серебристым, как ртуть, светом луны, буйно цвели алые мейхуа. Они полыхали так неистово, словно стремились поджечь ночной воздух своим багрянцем.

Залюбовавшись цветами, похожими на россыпи рубинов, Цзызюнь вдруг осознал, что заблудился. Он редко выходил за пределы своих рабочих маршрутов и теперь совершенно не понимал, куда его занесло. Решив не рисковать, он замер, надеясь дожидаться кого-нибудь из слуг.

Вскоре послышались шаги. Испугавшись ненужных расспросов, Цзызюнь поспешно юркнул в густую тень под высоким помостом павильона.

— Чу Цзюинь, ну и куда ты опять сбежал? Решил потихоньку увильнуть? — раздался незнакомый голос. — А ну, возвращайся! Ты сам всех пригласил, гости ещё не разошлись, так что не вздумай бросать нас.

Цзызюнь осторожно выглянул. Рядом с Чу Цзюинем шёл человек в лунно-белом халате, перебирая пальцами чётки из белого нефрита. Незнакомец был под стать хозяину Сяньюаня — такой же статный и благородный, но взгляд его, мягкий, как осенняя вода в горах, казался куда более человеческим. В нём не было той ледяной отчуждённости, что всегда окружала Чу Цзюиня.

— Пусть развлекаются как хотят, с меня хватит, — Чу Цзюинь, судя по голосу, был пьян. В его тоне сквозила тяжёлая усталость. — Холод собачий, в сон клонит нещадно. Я велел Цзя Луну присмотреть за всеми, так что пусть хоть до рассвета гуляют, мне дела нет.

Друг попытался придержать его за локоть, но Чу Цзюинь небрежно отмахнулся.

— Брат Тяньган, насчёт того, что ты просил... Я велел Цзя Луну заняться этим. Через пару дней пойдёт снег, так что не гони лошадей.

— Эй, ну ты и скряга! — фыркнул Чжу Тяньган. — Всего-то делов: прошептать заклинание да сделать жест. Нет, тебе обязательно нужно ждать милости от неба! Мне всего-то нужна талая вода с цветов Митую. Раз тебе лень, я сам справлюсь!

— При чём здесь жадность? Чжу Тяньган, если другие не знают, то ты-то должен понимать. Моя культивация в последние годы идёт не лучшим образом, силы надо беречь. А призывать ветер и дождь — занятие затратное. Если приспичило, обходись без моей помощи...

Голоса стали затихать, собеседники удалялись. Янь Цзызюнь наконец смог выдохнуть.

Но этот едва слышный звук услышал Чжу Тяньган. Тот резко обернулся, однако Чу Цзюинь среагировал быстрее. Плеть, висевшая у него на поясе, сорвалась вперёд живой чёрной змеей.

Тугой свист разрезал воздух, и ослепительный росчерк иссиня-чёрной молнии с треском обрушился прямо на то место, где прятался юноша!

— А-а-а!..

Вскрик мгновенно захлебнулся.

Слуги, дежурившие неподалёку, услышали лишь яростный свист кнута. Когда они сбежались на шум, их взорам предстали разбитые в крошку перила из драгоценного нефрита. Каменная пыль медленно оседала в лунном свете, словно призрачный снег.

Тёмные одежды и волосы Чу Цзюиня развевались в ауре мощного духовного давления. Хмельная дымка в глазах бесследно исчезла, сменившись ледяной яростью. Его силуэт метнулся вперёд, оставляя лишь призрачный след. Чжу Тяньган последовал за ним.

Через мгновение вокруг Цзызюня уже стоял десяток человек с фонарями. Свет выхватил из темноты скорчившуюся фигуру.

— Опять он? — ахнул кто-то, узнав юношу.

Хоть Чу Цзюинь и не бил в полную силу, мощи удара хватило бы, чтобы расколоть скалу. Если бы не гранитная ступень, принявшая на себя основной удар, парень был бы уже мертв или искалечен.

Чу Цзюинь резким движением заставил плеть исчезнуть в потоке света. Увидев, кто перед ним, он выплюнул с нескрываемым отвращением:

— Снова этот ничтожный червь. В разгаре праздника не нашёл дыры, чтобы спрятаться, и припёрся сюда портить мне кровь.

Чжу Тяньган спрятал чётки в рукав и, взяв у слуги фонарь, присел рядом с лежащим на снегу юношей.

— Тц-тц, бедняга... Ну и лютая же у тебя на него обида, Цзюинь. Ты ведь никогда раньше не был так жесток к прислуге.

Он осторожно отвёл руку Цзызюня, которой тот прижимал шею. Рана оказалась страшной: удар плетью вскрыл плоть от челюсти до самой ключицы. Кровь густыми толчками выходила наружу, заливая чистый снег. Запах железа мгновенно пропитал холодный воздух.

Ватная куртка не смогла защитить от удара — ворот был разорван в клочья, обнажая белую, как мрамор, кожу груди.

Янь Цзызюнь был красив какой-то болезненной, хрупкой красотой. Сейчас, израненный, залитый кровью, которая алела на его бледном теле, словно лепестки мейхуа, он выглядел бесконечно жалким.

Но для Чу Цзюиня эта картина была лишь напоминанием о старом позоре. Чем жалобнее выглядел юноша, тем сильнее вскипала в нём ненависть. Чжу Тяньган, не выдержав, приложил ладонь к груди раненого. Из его руки потекло мягкое серебристое сияние, вливаясь в тело Цзызюня.

— Цзюинь, прекрати упрямиться. Он всего лишь смертный, рана серьёзная. Нужно спасти его, — убеждал он друга.

«Сдох бы он — и дело с концом», — промелькнуло в голове Чу Цзюиня.

Чжу Тяньган был старым другом, но даже он не знал правды об их прошлом — о том, как Чу Цзюинь, будучи в самом жалком своём обличье, едва не погиб от рук этого мальчишки. Объясняться сейчас, на глазах у слуг, значило лишь множить позор и выглядеть тираном. Подавив гнев, Чу Цзюинь сделал знак Цзя Луну закончить это дело.

Управляющий в душе проклинал всё на свете. Весь день на ногах, а теперь ещё и это... В такой праздник хочется добрых предзнаменований, а не этой кровавой бани. «Этот Цзюнь-гэер — ходячая беда, — думал Цзя Лун. — Только выкарабкался, и снова подставился».

Слуги уже собирались поднять раненого, когда Чу Цзюинь бросил:

— Стоять!

Он присел и вытащил из-за пазухи Цзызюня алый конверт.

— Что это?

— Это... — Цзя Лун замаялся. — Это те самые праздничные деньги на Новый год, что раздавали сегодня всем в усадьбе. На удачу в новом году.

Чу Цзюинь презрительно усмехнулся.

— Ничтожная дрянь. Думает, он достоин?

Тут его взгляд упал на маленькую бамбуковую корзинку, которую Цзызюнь прикрывал собой. Чу Цзюинь подошёл и резким ударом выбил её из рук юноши. Корзинка перевернулась, и содержимое, заботливо укутанное в красную ткань, выкатилось на снег.

Едва утихшая ярость вспыхнула с новой силой.

— Связать этого вороватого паршивца! — взревел Чу Цзюинь. — Как только очухается, я лично забью его до смерти!

— Погоди!

Пока все замерли в ужасе, в воздухе, словно облако алого пламени, возник женский силуэт.

— Господин, смените гнев на милость, — прозвучал голос Ху Бинцин. — Здесь вышло недоразумение, позвольте мне всё объяснить...

<http://bllate.org/book/17484/1693031>